

Официальный сайт

Главное следственное управление
Следственного комитета Российской Федерации
по Республике Крым и городу Севастополю

Представляем вашему вниманию интервью инспектора управления криминалистики Главного следственного управления СКР по Республике Крым Виолетты Крутовой информационному агентству "КИА"

Достучаться до детского сердца

Много лет назад я застала свою лучшую подругу за интересным занятием. Она, пятилетняя Юлька, устав от игры в прятки всей нашей большой и дружной уличной оравой, тихо сидела в высокой траве и усердно что-то мастерила. Только кудрявая Юлькина макушка виднелась из зеленых зарослей. Прямо возле моего дома происходило какое-то таинство. В свои пять лет я могла только чувствовать, что там, в высокой зелёной траве происходит что-то волшебное, а моя Юлька, как чародей, создаёт что-то невероятное. Я почти на носочках подобралась к ней и тихо спросила: «Во что ты играешь?». Юлька оставалась всё так же спокойна, махнула мне рукой, чтоб я присоединялась и подходила ближе: «Я мастерю секретики!». В руках у неё был пустой и прозрачный маленький флакончик от каких-то пилюль, который закрывался при помощи резиновой крышечки. В этот пузырёк Юля кропотливо и очень осторожно вкладывала красивые травинки разной формы, маленькие цветочки, которые собрала прямо рядом с

собой. Она, осторожно, чтобы не смять, маленькими пальчиками впихивала их, создавая там, в пузырьке, необычную композицию, как-то удивительно подбирая цвета и формы. Наполнив флакончик, она осторожно закрыла его резиновой крышечкой и на её ладошке появился самый настоящий мини-сад. «Это секретики. Теперь делай и ты свой, но только красивый сделай. Мы их закопаем тут, в траве. Ты свой, а я свой. А потом, через много лет, найдём их тут. Ты узнаешь мой секретик, а я узнаю твой. И нам будет очень здорово вспомнить друг о друге», — таинственно сказал Юлька и передала мне тоже пустой прозрачный флакончик.

Прошло уже много лет, а я до сих пор с улыбкой вспоминаю, как почти каждый день, проходя мимо того места, заросшего травой, я поворачивала голову в сторону наших «секретиков» и улыбалась, зная, что там хранится наша с Юлькой история. И казалось, что время ещё не пришло откапывать их, хотя точное место, уже, конечно, никто бы и не вспомнил. Но своим детям я с удовольствием рассказываю эту историю и тоже учу делать такие «секретики» — добрые и светлые. Но ведь у тайн бывают и тёмные стороны.

Современные дети, современные игры и увлечения – они совершенно другие. Гаджеты, общение в социальных сетях, селфи... У каждого поколения свои витки. Но как же уберечь их тонкие души от разочарований и ошибок, как стать своему ребёнку настоящим верным другом? Об этом и многом другом мы поговорили с психологом, инспектором криминалистического отдела следствия управления криминалистики ГСУ СК по РК, кандидатом психологических наук **Виолеттой Крутовой**.

О том, с какими детьми приходится работать ей, о «рабочем чемоданчике», наполненном игрушками, раскрасками и мелками, о детских переживаниях и общении детей в соцсетях, в нашем интервью.

— Виолетта, с какими детьми вы работаете?

Я осуществляю психологическое сопровождение следственных действий с участием несовершеннолетних. Это касается различного процессуального статуса детей — свидетелей, подозреваемых, обвиняемых и потерпевших по уголовным делам. А также психологическое сопровождение процессуальных действий с участием детей в ходе доследственной проверки. Ведь у нас в уголовно-процессуальном кодексе закреплено, что все следственные действия проводятся с участием психолога, это обязательное условие.

— Следственный комитет ведёт работу по превентивным мерам?

Профилактика – не основной вид деятельности следственного комитета. Превентивные меры используют полиция, органы образования и другие, а СК, соответственно, работает в тесном взаимодействии с субъектами профилактики. У нас проходят совместные совещания, определяемся какая работа должна проводиться, но непосредственная работа с детьми по профилактике проводится другими органами. Мои коллеги проводят профилактические

лекции в образовательных учреждениях. Кроме того, на официальном сайте Главного следственного управления СК России по Республике Крым размещены методички, разработанные моими коллегами, «Защитим детей от насилия» и «О мерах по предотвращению преступлений в отношении несовершеннолетних посредством использования сети Интернет».

— Скажите, на какие «тревожные звоночки» стоит обратить внимание родителям, чтобы вовремя понять, что с их ребёнком что-то не так?

Во-первых, здесь нужно обратить внимание на изменения в поведении ребенка, в зависимости от того, совершил ли он какой-то проступок или это потерпевший ребенок. В любом случае, поведение ребенка очень сильно меняется всегда. Это могут быть пассивные формы поведения, или наоборот, активные. Если говорить о пассивных формах поведения, то ребенок становится закрытым, перестаёт общаться с родителями, молчит, уходит от общения. Очень часто дети замыкаются в себе, в комнате проводят много времени. Ну и вторая модель поведения, когда ребенок, напротив, становится очень агрессивным, на любые замечания реагирует крайне негативно. В любом случае, прерываются нормальные отношения, которые были до этого.

— Все ли дети, с которыми вы работаете и всегда ли охотно идут на контакт?

Нет, всё зависит и от ситуации, и от самого ребенка. Есть дети, которые очень легко общаются со взрослыми, а есть дети сами по себе очень замкнутые, закрытые, не желающие пускать в свой внутренний мир, и такие гораздо тяжелее идут на контакт в целом. А если мы ещё говорим о том, что с ребенком было совершено преступление, то здесь, конечно же, он вообще замыкается в себе. Плюс он попадает в новую обстановку, здесь довольно большое количество взрослых. И очень часто бывает так, что здесь, в моём кабинете, ребенок начинает прятаться под стол, за мебель. Первоначально, конечно, до того, как проводить какие-то следственные действия, необходимо установить с ребёнком контакт, потому что задача, которая стоит перед психологом, минимизировать психотравмирующее воздействие в ходе допроса. Порой очень много времени уходит на установление контакта, вплоть до того, что иногда садишься с ребёнком под стол и начинаешь с ним там вести беседу, для того, чтобы его выманить оттуда. У нас в соседнем кабинете есть детская комната, там игрушки, там более комфортная атмосфера. Бывает так, что, когда мы выезжаем на место происшествия, там ребенок вообще не идет на контакт, и мы тогда успокаиваем его, знакомимся, потом привозим его сюда. Вот здесь у него есть все, он попадает в свой собственный мир и ему через какое-то время становится комфортно — он перестаёт бояться, ему хорошо. И вот только после этого мы выстраиваем непосредственно общение по поводу криминальных событий, если они имели место.

— Сколько времени занимает установление такого контакта?

Вы знаете, по-разному. Порой это занимает от пяти минут до нескольких часов. Бывают даже случаи, когда ребенок крайне не готов рассказывать о психотравмирующих ситуациях, но это, как правило, если история связана с совершением преступления в отношении ребенка близкими родственниками. У него есть страх, что родственников (особенно когда это касается дяди, тёти, отчима) могут посадить в тюрьму, поэтому он не знает, как себя вести. По этой причине общение с ребенком мы даже порой переносили на следующий день, чтобы сегодня мы познакомились, пообщались, какие-то моменты выяснили насколько это было возможно, а на следующий день уже проводим полноценный допрос. Если, конечно ситуация позволяет.

— А были случаи, когда до ребенка ну никак невозможно было «достучаться»?

Нет, таких случаев не было. Были случаи, когда на это требовалось потратить больше времени.

— Здесь всё зависит от возраста? Мне кажется, дети повзрослее просто умеют больше хитрить.

Взрослые скорее умеют больше хитрить, чем дети, да, это, наверное, более правильно, потому что они иногда знают правду, но в силу определенных обстоятельств понимают последствия, и потому не хотят об этом говорить. Просто у маленьких детей есть такая особенность — они берут вину на себя в произошедшей ситуации, они очень сильно боятся реакции взрослых. И моя задача порой просто убедить, что никто ругать не будет. Но с маленькими детьми бывает порой проще. Когда мы пытаемся устанавливать контакт с ребёнком во время игры, он начинает делиться секретом, но с добавкой «только маме не говорите». То есть, они очень сильно по этому поводу переживают и им кажется, что мама будет ругать.

— А какие методы еще вы используете для установления контакта с ребёнком? Рисунки, тесты?

Рисунки обязательно используем для установления контакта, они также являются психодиагностическими тестами. Мы используем всё подручное. Когда ребенок находится здесь, в нашей игровой комнате, тогда всё гораздо проще — это игрушки, сумки, мелки, у нас достаточно богатый набор всяких игр. Если же мы оказываемся на месте происшествия и у нас нет такого доступа в игровую комнату, то я всегда тоже беру с собой игрушки.

В работе аквариумы очень хорошо действуют на ребёнка. Поэтому в кабинетах у некоторых следователей стоят аквариумы. Мы рассматриваем с детьми рыбок, общаемся, устанавливаем контакт. Задача ведь какая — изначально ребенок от тебя находится на некой дистанции и её нужно преодолеть. Вот как только это произошло, он к тебе подошёл, взял тебя за руку, всё — он наладил с тобой контакт, ему с тобой комфортно. Поэтому смотрим кошечек, идем гулять на улицу, рассматриваем цветочки, бабочек, интересуемся тем, чем интересуется сам ребенок. Часто ношу с собой раскраски, причём в зависимости от возраста ребенка, потому что в разной возрастной категории у них разные герои. Соответственно, раскраски, которые я им

даю, соответствуют тому, что им нравится. Маленьким девочкам, как правило, нравятся феи, в основном это Винкс. Особенно желательно не ошибиться с героиней Винкс, я их уже всех знаю по именам.

— Поэтому вам всё время приходится быть в «тренде» новых игр, мультяшных героев?

Да, я всё время стараюсь быть в тренде. Очень хорошо, что есть дети сотрудников, которые меня направляют, все время рассказывают, что сейчас становится модным, потому что взрослым очень сложно бывает уследить за этим. Конечно, приходится просматривать какие-то мультики, чтобы понять, что детям интересно и какие персонажи там есть.

— То есть, если представить себе ваш «рабочий чемоданчик», то он состоит из игрушек, раскрасок? Что там ещё?

Мой чемоданчик состоит из психодиагностических тестов, поскольку мне очень важно определить эмоциональное состояние ребёнка. Это ещё обязательно карандаши цветные, простые, мелки я очень часто беру с собой. Это куклы, но обычно они небольшие. Когда говоришь с ребенком о психотравмирующей ситуации, криминальной, очень часто он переживает по понятным причинам. Для него это двойная ситуация — и неприятно рассказывать об этом, и непонятно как отреагирует взрослый. Поэтому я всегда беру какую-то мягкую игрушку, чтобы он в процессе беседы мог ее мять, трогать. Ему так проще справиться с ситуацией. Ну и маленькие игрушки тоже обязательно беру, мелкие, с ними удобно работать — ребенок всегда может показать с их помощью отдельные обстоятельства произошедших событий.

— Были случаи, когда удалось разговорить ребенка и это было очень сложно? Какой из таких случаев вы можете назвать своей маленькой победой?

Однажды у нас был случай, когда в отношении девочки, мы знали, были совершены действия сексуального характера, и она очень легко шла на контакт с нами изначально. Но когда мы дошли до момента криминальной ситуации, она закрылась, категорически отказывалась говорить. Несмотря на плохую погоду мы с ней гуляли под дождём, разговаривали, обсуждали. Как только доходили до этой ситуации, у нее все время слёзы катились по щекам, ведь она до этого ничего не рассказывала никому, и даже маме. По сути дела мы знали о том, что с ней произошли некоторые события, но не знали, что произошло конкретно. И вот, находясь на улице, мы купили мороженное. В процессе общения, когда я пыталась осторожно расспрашивать о ситуации, у нее появлялись слёзы на глазах, и я видела, что она сейчас опять уйдёт в себя. Вот тогда, в тот момент я ей говорила «смотри, тает» и девочка переключалась на мороженное. Потом мы снова говорили о её истории, и снова она начинала плакать, а я напоминала ей о том, что мороженное тает и она снова переключалась. И вот такими маленькими кусочками, по маленьким частям мы с ней дошли до конца ситуации.

Был случай очень тяжёлый с мальчиком. Если по той девочке мы точно знали, что были совершены действия сексуального характера, то по мальчику у нас была информация, которая не была подтверждена ничем, мы даже не знали, что конкретно произошло. Очень сильное сопротивление было у ребенка. Мальчики, в отличие от девочек, вообще очень тяжело рассказывают о совершенных в отношении них преступлениях. Ему было на тот момент 6 лет. Многие родители считают, что не нужно травмировать ребенка рассказом о том, что с ним произошло, а на самом деле они защищают себя. Пока ребенок не расскажет, пока эмоции не выйдут, он будет переживать это внутри. Как только он этим поделился, ему сразу становится легче, поскольку нет этой тайны, которая его тяготит и вызывает отрицательные эмоции. Так вот этот мальчик вначале не рассказывал ни в какую, то есть он доходил до этого этапа, а потом у него был пропуск информации. Да, он нам говорил «был мужчина, он зашёл и потом я ушёл». И очень долго мы не могли получить информацию, мы пробовали разные способы. Мама предлагала ему «расскажи, я тебе куплю то, что ты хочешь», но он молчал. В конце концов я ему говорю — давай ты скажешь следователю, он же мужчина, он тебя поймёт. Очень сильное было сопротивление у ребёнка, мальчик плакал, говорил «я не хочу, я не буду рассказывать», просил маму пойти домой. И вот я с мамой вышла в другую комнату, мы наблюдали за происходящим через зеркало Геззела, мы оставили его со следователем, объяснили, что следователь тоже мальчик и ему можно доверять. И тогда он сказал, что в его отношении действительно совершались действия сексуального характера. Это было общежитие, это была соседняя комната, и по соседству, как оказалось, находился угрожающий источник.

И потом я зашла и мальчик увидел, что ничего страшного не произошло и что ругать его никто не будет. Мы объяснили ему, что мы теперь этого мужчину накажем, посадим в темницу и больше этого дяденьки в его жизни не будет. И когда ребенок стал уже уходить, дошел до двери, мы попрощались. И вот он развернулся и бросился мне на шею со словами «тётя, спасибо тебе большое». Ребенку помогли пережить ситуацию, вызывающую крайне негативные эмоции.

— Подростки — это вообще отдельная тема для беседы. Некоторые сбегают из дома, считая, что они достаточно взрослые, а родители ничего не понимают в жизни. Приходится ли вам с ними общаться?

Приходится. У них собственное представление о жизни. Самое главное — принять его позицию, принять его взрослым. Проблема же в том, что он считает, что уже вырос, а взрослые считают, что он еще маленький. Поэтому происходит противостояние такое. Моя задача говорить с ним на одном языке, принимать его взрослость, его позицию. И здесь важную работу нужно проводить ещё и с родителями. Потому что там, где всё хорошо в семье, в которой комфортно и спокойно, оттуда дети не убегают. Значит есть какие-то проблемы. Как правило это конфликты в семье, поэтому ребенок, собственно говоря, и убегает из дома.

— Трудный возраст — с какого периода он начинается?

Вообще «трудным» считается подростковый возраст по старой классификации от 12 до 18 лет, но современные исследователи говорят, что сегодня произошло увеличение верхнего порога — до 21 года. Характеризуется этот этап тем, что ребенок претендует на то, что он взрослый, а взрослые его в этот мир никак пускать не хотят. И соответственно очень часто тут большую роль играет недостаток эмоциональных отношений, отсутствие авторитета у родителей. По статистике на сегодняшний день родители общаются со своим ребенком в среднем — 20 минут в день. Как правило, они у него спрашивают: поел? какие оценки получил? давай я проверю уроки? Не спрашивают какие у него интересы, проблемы, не проводят время вместе. Как правило, родители занимаются своими делами, они устали, хочется посмотреть какой-то фильм. В итоге ребенок живёт своей собственной жизнью. Соответственно, он начинает отдаляться. Происходит разрыв, нет эмоциональных связей.

Смотришь иногда, семья достаточно благополучная, а связей эмоциональных нет. У ребенка существует в этом потребность. И потом он начинает искать себе место, где он будет получать заботу, внимание, поддержку. И вот такую функцию очень часто выполняют друзья на улице. Хорошо, если ребенок посещает какую-то секцию. Там часто тренер становится авторитетом. Иногда бывают учителя, при достаточно грамотной работе они могут стать достаточно значимым человеком для ребенка.

Там, где в семье родители добились какого-то успеха, дети часто говорят «я же вам все равно не нужен, у вас же есть своя работа». Очень часто родители не замечают, что ребенок начинает отдаляться.

— Школьная травля, актуально ли это для крымских детей?

Вы знаете, вопрос этот, наверное, ближе сотрудникам полиции. Что касается СК, то у нас возбуждаются дела, когда совершаются какие-то преступления. Возбуждались дела у нас, например, по статье доведение до самоубийства ребенка. Но проводилось расследование и факт того, что ребенок совершил самоубийство по причине конфликта в школе -такого на территории Крыма не было.

— Беда «социальных групп», по типу «синих китов», добралась, к сожалению, и до Крыма. Знаю, что есть случаи предотвращения суицида на полуострове.

Уголовные дела у нас были возбуждены по факту доведения до самоубийства. Это как раз касается социальных сетей. Я работала с детьми, которые являлись потерпевшими по этим уголовным делам. К сожалению, это есть. Единственное, что по этой теме развели ну слишком большую панику родители, порой не понимая, что ухудшают отношения со своими детьми своими страхами. Любой ребенок, который учится в школе, подросток, он конечно слышал про эти группы в соцсетях. Тем более на телевидении это активно обсуждают, по радио, в школах проводятся профилактические беседы по этим группам депрессивного характера, которые получили обыденное название «групп смерти». Когда родители видят вдруг, что

ребенок зашел в такую группу, они начинают паниковать. На самом деле, нужно понимать, что есть открытые и закрытые группы такого плана. Если ребенок зашёл, посмотрел из любопытства и вышел из неё, то ничего страшного в этом нет. А если родители, узнав об этом тут же бегут писать заявление в СК, то это в какой-то степени ухудшит отношение с ребёнком. Должны быть определенные признаки того, что ребенок действительно находится вот в этой закрытой группе.

Что касается детей, с которыми мне пришлось работать, задача была первоначальная — это нормализация состояния ребенка, его опрос и сразу после этого мы направляли детей в другие организации для реабилитации. Привлекали школьных психологов для того, чтобы они проводили периодическую диагностику эмоционального состояния ребенка на протяжении длительного периода.

— Дети, которых удалось спасти от суицида, они понимали, что делают и последствия?

Конечно ребенок понимает, что его жизнь могла оборваться. У многих детей идеализируется представление о смерти. К сожалению, многие родители, когда ребенок маленький, боятся ему объяснить, что жизнь конечна. Ему рассказывают всякие истории, что ребенок станет звездочкой, улетит на небо. К тому же он видит эти компьютерные игры, в которых можно сохраниться, получить новую жизнь и продолжить игру. У детей нет такого представления о том, что смерть — это конец. Часто слышишь от ребёнка, что хотелось бы посмотреть реакцию родителей. Они не до конца понимают, что это финал и на этом всё. Поэтому, когда с ребенком работаешь, начинаешь говорить ему о том, какие у него есть возможности, что он может увидеть и сделать, и что жизнь имеет смысл.

— В каком возрасте можно допускать ребенка в соцсети?

Нет каких-то возрастных ограничений. Социальные сети, интернет — это источник получения информации. Там достаточное количество развивающих игр для детей, плюс это общение, опять же. Надо признать, что есть разные формы общения — реальное и виртуальное, это нормально. Вопрос в том, что когда вы впервые отпускаете ребёнка на улицу, вы ему говорите — с этими людьми нельзя общаться, вот когда тебя зовут куда-то — делай вот так. А когда вы отпускаете его в пространство интернета, вы не объясняете ему никаких правил. Это проблема. Главное — научить ребенка ориентироваться в пространстве интернета, объяснить ребенку какие могут совершаться преступления в интернете. Когда ваш ребенок гуляет на улице, вы знаете его круг общения, но родители не интересуются с кем его ребенок общается в пространстве интернет. Необходимо обязательно заходить на его страничку, смотреть кто у него в друзьях, интересоваться кто эти люди, в какие группы он вступает, чтобы иметь представление о жизни своего ребенка. Ну и беседовать с ним об этом.

— Почему дети из благополучных семей становятся иногда преступниками?

Если мы говорим о психологическом благополучии в семье, то такой ребенок вряд ли станет совершать преступление. Это внешнее социальное благополучие. Если есть материальный достаток, родители занимают определенные должности, почему это происходит? Потому что родители заняты на работе, в разъездах, ребенок предоставлен сам себе. Нет эмоциональных связей. К тому же такие родители начинают компенсировать внимание и заботу какими-то материальными благами и у ребенка в системе ценностей материальное становится главным, а не духовное. Так как ему не хватает любви, заботы, внимания, он начинает это компенсировать, пытаясь завоевать любовь с помощью предметов. С ним начинают дружить, вокруг него собирается большое количество людей и тем самым он получает способ самоутверждения. В итоге, когда ему что-то нужно и родители ему в этом отказывают, ребенок идет на воровство, чтобы заполучить материальный ресурс.

Очень часто родители с высоким статусом пытаются также решать проблемы ребёнка, и у ребенка не формируется представление о долге, ответственности. Они видят, что совершил какой-то проступок, а родители эту проблему уладили, то есть он не несёт ответственности. Вот оно «я могу делать то, что мне хочется».

— Были ли в вашей практике случаи, когда ребенок, который совершил преступление, осознал, что он сделал и что его поступок привёл к знакомству с Уголовным кодексом?

Надо понимать, что осознать и исправить — это вообще разные вещи. Осознание совершения преступления у него происходит, когда он общается со следователем во время допроса. И тем более, когда его заключают под стражу, если речь об особо тяжких преступлениях, то конечно он осознает в этот момент, поскольку это связано с тем, что он попадает в некомфортные условия.

Бывает так, когда беседуешь с подростком, задаешь ему вопросы — понимал ли он что, к примеру совершил убийство, что убивать нельзя? Он отвечает «Вы имеете в виду, что личность неприкосновенна»? И он отвечает «Ну конечно понимал, но я же не думал, что меня лично за это посадят». У них представление формируется по фильмам, у самих же не сформирована ещё способность планировать и прогнозировать, им кажется, что всё совершают идеально. И вот тут они сталкиваются с реальностью, не осознавая, что это преступление, что это наказуемо.

Насколько они раскаиваются? Конечно, и взрослые и дети всегда говорят о том, что раскаиваются, но насколько это искренне, уже показывают их последующие поступки. Ведь задача — не вырастить из ребенка закоренелого преступника, а показать ему, что ты должен нести ответственность за всё, что ты совершаешь. Ты можешь быть очень хорошим человеком, но ты совершил вот этот проступок и ты несешь за него наказание. Какие-то дети после этого прекрасно адаптируются, какие-то идут совершать преступления снова.

Официальный сайт

Главное следственное управление
Следственного комитета Российской Федерации
по Республике Крым и городу Севастополю

— Как помочь ребенку не совершать ошибок, проступков и как его защитить родителям?

Первое, это эмоциональные отношения в семье, забота о своем ребёнке. Задача родителя — создать такие отношения, чтобы ребёнок понимал, что взрослым можно доверять. Чтобы он пришел и сказал: да, я сделал вот это, но что мне делать теперь? Чтобы они не боялись рассказать о своём поступке родителям, что от них он получит заботу и поддержку.

Ну и соответственно нужно проводить время с ребенком, ходить в кино, в театр, любить своего ребенка, говорить ему об этом. Очень часто дети не знают о том, что их любят. Родители не всегда говорят об этом, считая, что и так много всего делают для своих детей.

Конечно, не бывает идеальных детей, мы все учимся на своих ошибках, нужно показать, научить, объяснить, что могут возникать вот такие ситуации и как себя вести. На своих ошибках, мы, конечно, учимся, но желательно учиться на чужих ошибках. Чтобы он не оказался в дурной компании, чтоб не воздействовали окружающие, нужно говорить с ним. Задача родителей — воспитать ребенка так, чтоб он не был внушаем, чтобы он не поддавался на это, чтобы у него было свое мнение. Я всегда говорю — самое худшее, что делают родители — они ориентируют его на мнение окружающих («что о тебе подумают...»). Соответственно, он пытается подстраиваться под мнение окружающих, быть как все, а не быть личностью.

Наталья Редько

01 Июня 2017

Адрес страницы: <https://crim.sledcom.ru/news/item/1132314>